

4 Социалистическая Якутия. 1990. 29 ноября.

5 Арсенов В.И. Транспортная система России в формировании единого экономического пространства евроазиатского континента: глобальные грузовые потоки, транспортная стратегия государств континента. Конкурентоспособность МТК. Вестник евроазиатского транспортного союза. 2005. № 1. С. 15-19.

6 Ишмуратов Б.М. Сибирь в российской и мировой перспективе (очерки социально-экономической и политической географии). Иркутск : Отгиск, 2003. 170 с.

7 Ивашов Л. Г. Геополитическое противоборство: место и роль России // Геополитическая доктрина России: реалии и проблемы выбора: материалы науч. конф. СПб. : Балт. ТУ, 2004. С. 7-23.

8 Стратегия развития России в АТР в

XXI веке : аналит. докл. / Совет Федерации Федерального собрания РФ; Оргкомитет БЭФ. М., 2000. 46 с.

9 Лapidус Б.М. Развитие транспортной системы страны // ЭКО. 2006. № 3. С. 63

10 Транспортно-промышленное освоение Сибири и Дальнего Востока – системный фактор прорывного развития экономики России, ее интеграции в мировую систему : аналит. докл. [Байкальский экономический форум 2006 г.] . Новосибирск, 2006. С. 55.

11. Там же. С. 81.

12 О федеральном бюджете на 2006 год : федер. закон от 26 дек. 2005 г. № 189 –ФЗ // Рос. газ. 2005. 29 дек.

13 Сидельников И. БАМ – путь в XXI век [Электронный ресурс] : реферат : URL www.referat.ru/pub/item/14053. С. 21. (дата обращения : 26.10.10.)

УДК 321:342.3

**ПРОФИЛАКТИКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВООРУЖЕННЫМ КРЕСТЬЯНСКИМ ВЫСТУПЛЕНИЯМ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.
(на материалах Иркутской области и Красноярского края)**

*И.В. Ефремов канд. ист. наук
БрГУ, Братск*

Комплексно рассматриваются мероприятия Советской власти по профилактике и противодействию вооруженным крестьянским выступлениям в сибирской деревне во второй половине 20-х гг. Приводятся факты, свидетельствующие об усилении контроля за прохождением дел о крестьянских восстаниях в органах следствия и судах, перлюстрации писем, отправляемых из деревни в красноармейские части и обратно, активном вовлечении женской части села в общественную работу.

Ключевые слова: кулацкий террор, судебные органы, красноармейцы, ОГПУ, крестьянские выступления, красные партизаны.

Усиление давления государства на деревню во второй половине 20-х гг. прошлого века, выразившееся в массовых злоупотреблениях в ходе хлебозаготовок, принудительной коллективизации сельского хозяйства, раскулачивании и ликвидации кулачества как класса, посте-

пенно нарастая, приводило к многочисленным вооруженным выступлениям крестьянства против Советской власти и ее проводников на местах. В силу ряда причин, главными из которых были традиционная зажиточность местной деревни и особый упор в «выколачивании»

сельскохозяйственной продукции, сделанный на Сибирь, территория современных Иркутской области и Красноярского края стала ареной наиболее ожесточенного сопротивления мероприятиям большевиков. Протоколы заседаний бюро Иркутского Округкома ВКП(б) за 1928-1930 гг. позволяют судить о серьезности ситуации. При обсуждении вопроса «О мероприятиях в связи с ростом кулацкого террора» 21 декабря 1928 г. указывалось, что в округе за последнее время участились случаи поджогов, убийств и избиений деревенских тружеников, запугивания бедноты, других террористических актов, и связано это с индивидуальным обложением кулаков и лишением их избирательных прав [1]. Отмечалось, что судебными и карательными органами не был дан решительный и своевременный отпор агрессивным действиям кулачества. На рассмотрение кулацких дел у органов суда и следствия уходило слишком много времени. Имели место случаи, когда без внимания оставался политический характер таких дел, и все сводилось к обычному хулиганству.

Такое положение дел, конечно же, не могло удовлетворить бюро Округкома, и на заседании был принят ряд соответствующих постановлений. «...2. Обязать прокуратуру и окрсуд усилить карательную политику по делам о кулацких выступлениях, принять меры к тому, чтобы такого рода дела расследовались и рассматривались не позднее, чем в 2-х недельный срок, чтобы на каждое кулацкое выступление прокуратура и суд решительно быстро реагировали, широко оповещая население о приговорах через печать. Принять меры к срочному расследованию и передаче в судебные органы имеющихся в производстве дел о кулацком терроре, с таким расчетом, чтобы все дела были рассмотрены судами не позднее 20 января.

3. Считать необходимым, чтобы в дальнейшем расследования всех дел о террористических актах со стороны кулачества были сосредоточены в органах ОГПУ...» [2].

Аналогичным образом вскоре стали расследоваться все дела в отношении кулаков, в том числе возбужденные из-за невыполнения твердых заданий. Следует отметить, что уже в 1930 г. 79 % подобных дел расследовалось в срок до пяти дней, из них 64 % до трех дней; те же дела рассматривались в судах в течение пяти дней с момента поступления в 91 % случаев, из них в течение трех дней – 84 %. В единичных случаях, когда работники юстиции прекращали дела, находя для этого разного рода мотивировки, в том числе такие, как нереальность заданий, отсутствие у крестьян необходимых средств для выполнения заданий и т. п., на них накладывались дисциплинарные взыскания [3].

Опасаясь, что волнения перекинутся на армию, состоящую в основном из крестьян, Советская власть в лице сотрудников политотделов регулярно отслеживала настроения красноармейцев и оперативно реагировала на их изменение. Так, по данным политотдела 35-й дивизии, дислоцировавшейся в районе Иркутска, за 1926 г. личный состав на 13,2 % – рабочие, на 81,9 % – крестьяне и на 4,9 % – прочие [4]. Краткие тезисы о работе политотдела свидетельствовали о более или менее благополучной обстановке. «...7. Политику партии в деревне подавляющая масса красноармейцев одобряет и считает правильной; есть незначительное число зажиточного крестьянства, выражающего свое недовольство, особенно в связи с новым налогом, и недопонимание некоторых из бедняцкой части, не видящих по письмам конкретных мер помощи бедноте.

8. Сущность и задачи советской власти ему понятны, но основной вопрос – понимание диктатуры пролетариата, руководящей роли рабочего класса – у части красноармейцев плохо мирится с его классовым самосознанием, как крестьянина. Есть случаи с претензией на руководящую роль крестьянства в союзе рабочего класса с крестьянством...» [5].

С усилением карательных мер в деревне в ходе хлебозаготовок ситуация

резко изменилась. В протоколе заседания бюро Иркутского Округа ВКП(б) от 25 февраля 1928 г. отмечалось: «Констатировать наличие значительно возросших настроений недопонимания и отрицательных отношений в красноармейских массах в связи с мероприятиями, связанными с проведением хлебозаготовок». В числе прочего было решено «поручить Политотделу и ГПУ выявить нахождение в армии лишенных права голоса» и «поручить тройке тщательно пересмотреть судебные дела, в которых задержаны семьи красноармейцев», «поручить ГПУ усилить внимание к проявлениям активных контрреволюционных настроений, принимая соответствующие меры, не затрагивая случайных неосознанных элементов» [6]. Можно сделать вывод, что Советская власть со всей серьезностью отнеслась к недопущению волнений в армии.

Не менее серьезно коммунисты отнеслись и к возможности вооруженной поддержки сибирских крестьян со стороны зарубежных белогвардейских организаций. Учитывая приграничное положение ряда районов Восточно-Сибирского края, бюро Крайкома силами полномочного представительства ОГПУ в глубинные районы страны была выселена 431 семья. Выселению подлежали в основном семьи осужденных или расстрелянных кулаков, при условии, что в этих семьях оставались трудоспособные члены, живущие в приграничных районах. Их имущество конфисковывалось райисполкомами. В числе прочих выселение осуществлялось и с территории Киренского района [7].

Сопrotивление крестьянства, между тем, не прекращалось. В одном только Минусинском округе в ходе коллективизации было зафиксировано 273 крестьянских выступления [8]. От органов юстиции требовались максимально жесткие приговоры повстанцам: «...Бюро Округа отмечает имеющее место недопонимание отдельными судебными и прокурорскими работниками политического значения и важности дел о кулацких вы-

ступлениях и, как следствие этого, чрезвычайную медленность расследования и вынесение Судами неправильных приговоров...» [9].

Руководство страны понимало, что если первые меры, направленные на коллективизацию сельского хозяйства, вызвали у крестьянства такое неприятие, то дальнейшие действия, такие, как ликвидация кулачества, могут привести к полномасштабным боевым действиям. «К предстоящей антикулацкой операции партия готовилась, как к самому серьезному испытанию. По примеру Гражданской войны была возрождена система внесудебных карательных органов – различных «троек» и оперативных групп. Ключевая роль отводилась «особым тройкам» при краевых представительствах ОГПУ. На время проведения операции эти образования становились высшей судебной-карательной инстанцией для всех кулаков. В их состав были включены секретари крайкомов, представители ОГПУ, исполнительной и судебной власти с задачей экстренного оформления приговоров кулакам «первой категории»» [10]. Для борьбы с крестьянскими выступлениями войска ОГПУ серьезно пополнили арсенал. Весной 1930 г. из РККА для войск ОГПУ было передано 379 пулеметов, 61 пулеметная тачанка, 8821 винтовка, 4494 шашки драгунских, 15140 ручных гранат, 69 мортирок и 1839 гранат к ним, 445 револьверов «наган», более 3 млн. патронов, 55 грузовых автомашин АМО, 3 бронемшины [11]. Все это указывает на серьезность ситуации и опасение властей, что она выйдет из-под контроля.

11 января 1930 г. всем полномочным представительствам ОГПУ была разослана директива о срочном представлении сведений об агентурных разработках по следственным делам. В документе сообщалось: «В связи с постановкой в Центре серьезнейшего политического вопроса – удара по кулаку – не позднее 12 часов 14 января телеграфом сообщите: 1) сколько имеется агентурных разработок, организаций, группировок, одиночек по кулац-

ко-белогвардейско-бандитскому элементу; 2) сколько по этим делам проходит участников; 3) сколько дел таких же категорий ведется в стадии следствия; 4) сколько по этим следственным делам проходит участников. Количество организаций и группировок должно быть указано отдельно и точно» [12].

Тем не менее, все указанные приготовления не принесли ожидаемого результата. Волна массовых крестьянских выступлений была настолько мощной, что руководству страны в лице Сталина пришлось на время отказаться от чрезвычайных мер в аграрной политике. В известной статье «Головокружение от успехов», опубликованной 2 марта 1930 г. [13], он всю вину за создавшуюся ситуацию возложил на плечи местных партийных и советских работников, названных «левыми загибщиками». Данная мера на время внесла успокоение в крестьянские массы и позволила большевикам перевести дух. В закрытом письме ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» от 2 апреля 1930 г. говорится: «Поступившие в феврале мес. в Центральный Комитет сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО, на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской обл. вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе, как угрожающим. Если бы не были тогда незамедлительно приняты меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших «низовых» работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение...» [14].

Интересно, что в этом же документе, говоря о большом количестве антиколхозных крестьянских выступлений в разных районах страны, перерастающих в антисоветское движение, отмечается необходимость не «скорейшего и решительного подавления», как это было при-

нято в подобных документах, а «решительных и притом немедленных мер против искривлений партийной линии в колхозном движении». Также критикуется и «легкомысленное отношение к втягиванию частей Красной Армии в борьбу с массовыми выступлениями в деревне», могущее «не только ухудшить положение, но и повести к ослаблению боевой дисциплины в Красной Армии» [15]. Таким образом, армия, как уже отмечалось ранее, в большинстве своем состоявшая из крестьян, к тому моменту не считалась надежной опорой режиму. Так, например, в агентурном донесении начальнику одной из дивизий сообщается, что среди красноармейцев имело место следующее высказывание: «В деревне у крестьян берут хлеб пшеничный, а нам здесь в армии дают хлеб черный, это все потому, что за границу все хорошее вывозят – хлеб и товары и хвастают за границей, что мы растем... все равно, сколько бы коммунисты не обманывали рабочих и крестьян, они понимают, но молчат до поры до времени, сделают когда-либо общую забастовку в СССР» [16]. Высказывания подобные этому и гораздо более резкие, как бы их не стремились пресечь политработники, множилось и вызывало обеспокоенность руководства. Красноармейцы из писем узнавали о том, что происходит в деревне, волновались, спорили, пытались митинговать. В ОГПУ было принято решение предотвращать проникновение в Красную Армию сведений о положении крестьян.

В служебной записке Г.Г. Ягоды руководящим работникам ОГПУ от 17 марта 1930 г. говорилось: «За последнее время по сводкам, особенно по выпискам из документов, отмечается усиление кулацких настроений и выступлений среди красноармейцев и младшего комсостава. Количество ходоков-крестьян и приезжающих родственников красноармейцев за поддержкой и с жалобами на местные власти еще более усиливают эти настроения.

Несмотря на то, что мы давали ряд директив на места для принятия реше-

тельных мер к ограждению Красной Армии от кулацкого-антисоветского влияния, результатов не видно...

В письмах и телеграммах к красноармейцам указывается о безобразнейших извращениях и перегибах на местах по отношению к семьям красноармейцев...». Комплекс мер, предложенных Г.Г. Ягодой, включал, в том числе, усиление работы по выявлению кулаков среди крестьянских ходоков, их разоблачение, арест и высылку, а также увеличение конфискации писем [17].

Серьезной проблемой для власти грозило стать масштабное женское движение против коллективизации. Ответ государства на женский протест разительно отличался от действий в отношении протестующих мужчин. Конечно же, репрессии также имели место, однако существовала тенденция объяснять большинство выступлений крестьянок их чрезвычайной аполитичностью, отсталостью и невежественностью. «Например, из 317 женских выступлений, о которых известны способы их ликвидации, в 213 случаях (67,2 %) применялись уговоры и разъяснения, в 57 случаях (18 %) – удовлетворение требований, в 40 (12,6 %) – аресты активных участников и в 7 случаях (2,2 %) – применение вооруженной силы...» [18].

Учитывая опыт активного участия женщин в повстанческом движении 1920-1921 гг., власть всячески старалась привлечь их на свою сторону. Активизировалась работа женотделов. Ежегодно увеличивалось число женщин-избирателей. В качестве примера: в Иркутском и Канском округах в 1929 г. по сравнению с 1926 г. количество избирательниц увеличилось вдвое, в Тулунском округе – в 3 раза. Одновременно росло количество женщин-депутаток. Если в 1926 г. членами сельсоветов было избрано в Красноярском округе 10,5 % женщин, в Иркутском – 16,2 %, в Канском – 9,7 %, то в 1929 г. соответственно 17,6 %, 21,3 % и 21,6 % [19].

Для обучения общественниц и воспитания их в соответствующем духе пар-

тийными организациями регулярно проводились разного рода совещания, конференции, курсы. Данная работа приносила коммунистам хорошие результаты. «Например, при пере выборах в Балаганске (Иркутский округ) женщины совместно с середняками и бедняками объединились вокруг ячейки партии и подавляющим большинством голосов провели всех выдвинутых кандидатов» [20].

Уделяя «женскому вопросу» столько внимания, государство преследовало сразу две цели. Во-первых, обучить женщин, провести с ними соответствующий идеологический и политический ликбез, дабы отвратить их от кулаков, подкулачников и прочих недовольных политикой советской власти в деревне. Во-вторых, ставилась задача активно вовлекать тех из них, кто в большей степени проникся коммунистическими идеями, в политическую жизнь деревни через участие в выборах, членство в Советах и партии и т. д. Со временем из политически неустойчивого элемента многие женщины превращались в проводников советской власти на местах и могли влиять не только на своих мужей и родственников, но и на всех односельчан. Таким образом, государство вносило раскол в семьи и в деревню в целом.

Аналогично тому, как это было в годы Гражданской войны, недовольство большевиками и их политикой в деревне проявляли бывшие красные партизаны. Опасаясь их вовлечения в крестьянские восстания, государство поначалу избегало жестких мер в отношении ветеранов. «Заигрывание властей с бывшими союзниками, численность которых в Сибири составляла десятки тысяч человек, прекратилось с началом переворота в деревне. В 1929 году руководители края впервые заговорили о «плохих партизанах». Недавних героев лишили ореола славы. Как заявлял секретарь краевой контрольной комиссии Ковалев, партизаны «окончательно дискредитировали себя тем, что срослись с кулацкой обстановкой, хозяйственно обросли, потеряли

свое революционное партизанское чутье, которое они имели в прошлом...» [21].

В конце 1929 г. власти запретили проведение съездов и конференций бывших партизан, а в период раскулачивания многие из них подверглись репрессиям. «В 1930-1933 гг. ОГПУ истребило в Сибири тысячи бывших партизан как участников «повстанческих организаций»» [22].

Литература

1. Протоколы заседаний бюро Иркутского окружкома ВКП (б) // ГАНИИО (Гос. архив новейшей истории Иркут. обл.). Ф.16. Оп.1. Д.584. л.150.

2. Там же. Л. 151.

3. Материалы к отчету Организационного Комитета ВЦИКа Восточно-Сибирского Края 1-му Краевому Съезду Советов / Оргкомитет ВЦИКа. Иркутск, 1931. С.162-163.

4. Протоколы заседаний бюро ...Ф. 16. Оп. 1. Д. 22. Л. 52.

5. Там же. Л. 53.

6. Там же. Д. 574. Л. 59.

7. Русаков В. Б. Деятельность партийных органов Восточно-Сибирского края по ликвидации кулачества в пограничных районах. // Тр. Брат. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. и соц. проблемы развития регионов. 2005. С.63-64.

8. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. / под ред. О. В. Полей. Красноярск: Издат. проекты, 2004. Кн.1. С.18.

9. Протоколы заседаний бюро ...Ф.16. Оп.1. Д.574. Л.16.

10. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941. Новосибирск : Изд-во Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, 1997. С.37.

11. Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928 – 1933гг.). М.: Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, 2000. С.204.

12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 : документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. С.104-105.

13. Трапезников С. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М. : Гос. изд-во политической лит., 1951. С.119.

14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Т. 2. С. 367-368.

15. Там же. С. 368.

16. Красноярский край в истории Отечества : хрестоматия / ред. А. А. Григорьев [и др.] Красноярск, 1996. Кн.2. С.164-165.

17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Т. 2. С. 310.

18. Ивницкий Н. А. Указ. соч. С.196.

19. Кузьмина М. А. Борьба партийных организаций Восточной Сибири за повышение политической активности женщин (1926 – 1929 гг.). За советскую социалистическую Сибирь (к 60-летию освобождения Восточной Сибири от белогвардейцев и интервентов). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. Ч. 2. С.29.

20. Там же.

21. Папков С. А. Указ. соч. С. 188.

22. Там же. С. 189.